

Третья причина, отчего мне было бы ненужно и неприятно Бога упрашивать, чтобы Он меня исцелил, — я не хочу и не должен молить богатого, щедрого на любовь и милосердного Бога о таком пустяке. Допустим, что я отправился к папе за сотню или даже две сотни миль и сказал, встав перед ним: «Господин, отче святой, я миновал с большими затратами двести миль тяжелой дороги и я Вас прошу, — за чем я к Вам и пришел, — чтобы Вы дали мне один боб»; воистину, сам он и каждый, кто это услышит, скажет, и между прочим вполне справедливо, что я изрядный дурак. То, что сейчас я скажу, является подлинной правдой: все добро и даже вся тварь в сравнении с Богом меньше, чем один боб против всего этого телесного мира. Посему, будь я мудрым благим человеком, я, по совести говоря, погнушался бы у Бога просить, чтобы мне стать здоровым.

В связи с этим словом я также скажу: вот признак нездорового сердца, — когда человек бывает веселым или грустным из-за преходящих вещей сего мира. Этого, если замечаешь в себе, надо глубоко, всем сердцем стыдиться перед Богом и Его ангелами и людьми. Так сильно стыдятся изъяна лица, на который взирают люди со стороны. Что хочу я дальше сказать? Книги Ветхого и Нового Завета, а равно святых и язычников изобилуют тем, как благочестивые люди с готовностью свою жизнь отдавали, а также от себя самих отрекались ради Бога и из естественной добродетели.

Языческий учитель Сократ сказал, что добродетели делают невозможные вещи возможными, а также легкими и приятными⁹⁶¹. И я не хотел бы забыть, как одна блаженная женщина, о которой пишется в «Книге Маккавеев», однажды увидела перед своими глазами ужасные, невыразимо жестокие и лютые пытки, коими истязали и мучили ее семерых сыновей, и, воззрев на это радостным взором, она укрепляла их и всех по одному увещала ничего не бояться и добровольно отдать за Божью правду тело и душу⁹⁶². На этом книге конец. Но я желаю сказать еще пару слов.

Одно — вот каково: что человек благой и воистину Божий должен изрядно и весьма устыдиться, если его когда-либо взволнует какое-то горе. Ибо мы видим, что купец ради стяжания незначительной и неверной прибыли часто странствует по столь дальним краям, столь разбитым дорогам, по горам и долинам, по диким местам и морям, среди расхитителей и убийц тел и имущества и терпит большую нехватку в еде, в сне и питье и другие лишения, но все это забывает охотно и с легким сердцем ради малой сомнительной пользы. Рыцарь в бою рискует добром, телом, душой из-за преходящей и весьма кратковременной славы. Нам же мнится великим, когда мы чуть-чуть пострадаем ради Бога и вечного блаженства.

Другое слово, которое я имею в виду, что иной неотесанный человек скажет, что многие словеса, их же я записал в этой книге и где-нибудь в другом месте, не являются истинами⁹⁶³. Ему отвечу я то, что святой Августин говорит в первой книге своей «Исповеди». Он говорит, что все, что еще только грядет, даже через тысячи и тысячи лет, — если мир просуществует столь долго, — Бог ныне соделал, и все, что миновало несколько тысячелетий назад, сегодня соделает. Как же мне быть, если кто-то этого не понимает?⁹⁶⁴ И опять-таки говорит в другом месте, что человек, который чрезмерно любит себя, хотел бы других ослепить, чтобы его слепота скрытой осталась⁹⁶⁵. Мне достаточно, что во мне и в Боге истинно то, что я говорю и пишу. Кто видит палку, погруженную в воду, тому кажется, что палка кривая, а она совершенно прямая. Это от того происходит, что вода грубее, чем воздух; палка прямая, а не кривая, — сама по себе и в глазах того, кто на нее смотрит в чистоте одного только воздуха.

Святой Августин говорит: «Кто без различных представлений, многообразных примеров и